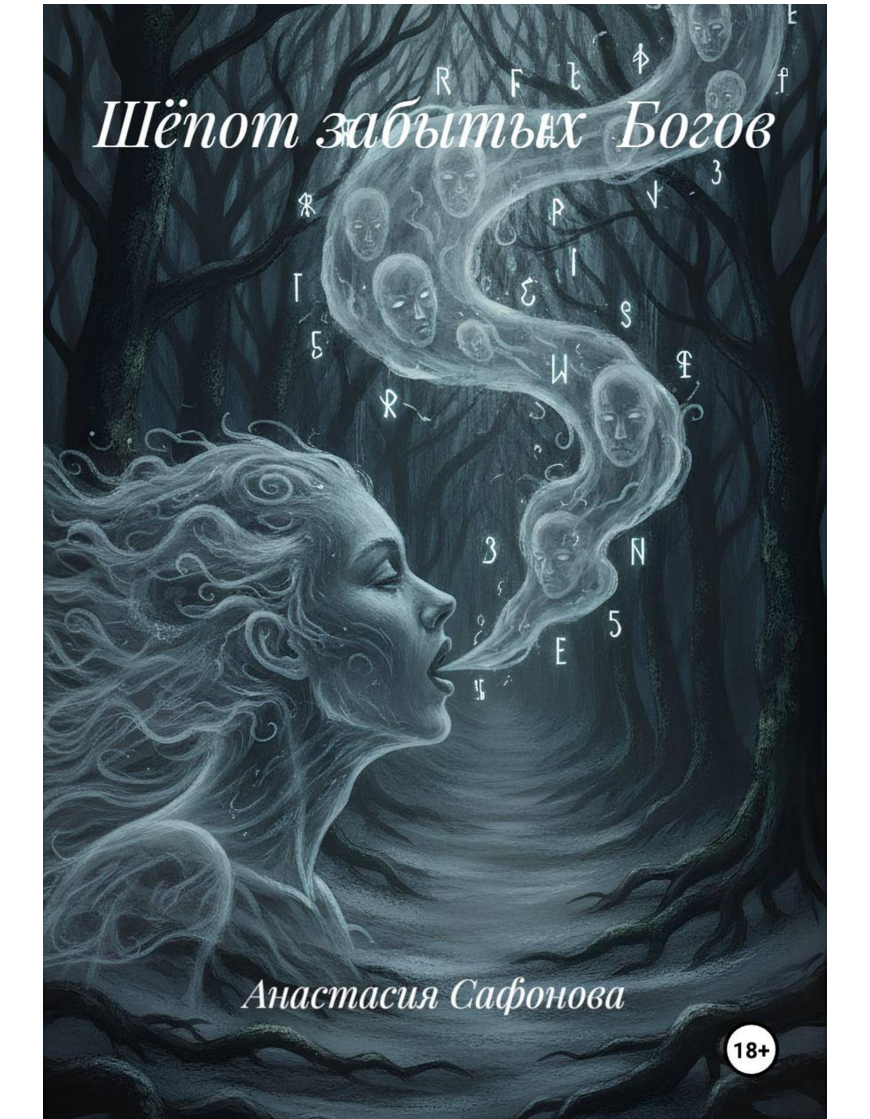

Шёпот забытых Богов

Анастасия Сафонова

18+

Анастасия Сафонова

Шёпот забытых Богов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73227463

SelfPub; 2026

Аннотация

«Шепот забытых богов» – это мрачное, атмосферное фэнтези о силе и уязвимости, о любви и жертве, о противостоянии дикой, древней магии и бездушного технологичного прогресса. Это история о том, как далеко можно зайти, защищая то, что дорого, и какую цену приходится платить за знание, которое лучше бы оставалось забытым.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	18
Глава 3	32
Глава 4	40
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Анастасия Сафонова

Шёпот забытых Богов

Не сезон – а эпоха льда. Пока чужие земли живут в ритме времён года, здесь время остановилось. Лишь зима, жестокая и бесконечная, сжимает королевство в ледяной хватке. По ту сторону гор цветут сады, а здесь – лишь стужа, голод и тихий ужас.

Но в лесах, под покровом вечного снега, пробуждается нечто древнее. И его голод куда страшнее мороза.

Глава 1

Последний свет не гас – его тушили, как дешевую свечу. Он съезжился за крышами, оставив после себя не черноту, а что-то густое и сизое, вползающее в переулки. У порога питейного заведения, из которого валил пар и громкий хрип, стоял мужчина. Мундир был засален, лицо – красно-багровое от холода и выпитого алкоголя. Он затягивался самокруткой, и дым выходил вместе с тяжелым, хриплым дыханием. Взгляд его, мутный и плавающий, блуждал по знакомой местности.

И зацепился за фигурку.

Она шла, сжимая в пальцах края дырявого платка. Лохмотья на ней болтались, не грея, а лишь подчеркивая худобу. Лицо – бледное пятно с огромными, темными впадинами глаз. Увидев его пристальный взгляд, она резко опустила голову и ускорила, сутулясь, будто пытаясь спрятаться в собственные плечи.

Он проследил за ней, медленно выдохнув дым. Потом отставил ногу, с которой стряхнул снег, и свистнул. Коротко, громко, как зовут собаку.

– Стой! – голос у него был хриплый, привыкший командовать.

Девушка вздрогнула и замерла, будто в нее воткнули кол. Она не обернулась, лишь ее плечи напряглись до боли.

Мужчина двинулся к ней. Шел тяжело, уверенно. Рядом, у крыльца, двое худых мужиков с лопатами прекратили убирать снег. Они переглянулись. Один потупился, внимательно разглядывая лед на своем сапоге. Другой отвернулся к стене, делая вид, что ищет что-то в кармане. Женщина с пустым ведром, выходявшая из дверей, метнула на девушку быстрый, жесткий взгляд — не сочувствия, а скорее брезгливого раздражения — и пошла прочь, громко стуча деревянными подошвами по мерзлой земле.

Пьяный был уже близко. От него несло перегаром, потом и чем-то затхлым. Он взял девушку за локоть — не сильно, но так, что она впала в ступор. Она наконец подняла на него глаза. В них не было слез. Только плоский, животный ужас и полная пустота. Она не дергалась, не пыталась вырваться. Ее рука в его грубой лапе была тонкой, как пруттик.

— Чего убегаешь? — пробормотал он, наклоняясь к ее лицу. — Пойдем, согреешься.

Его пальцы сжали ее кость чуть крепче. Она закрыла глаза.

— Умоляю, отпустите меня, — ее голос был еле слышным шепотом, обрывком пара на ледяном воздухе. Не мольба, а последний выдох перед падением. Этот звук не смягчил его, а наоборот — оживил что-то в его мутных глазах. В них вспыхнул плоский, довольный блеск. Он даже не ответил. Только сильнее сжал ее локоть, его грязные, грубые пальцы впились в тощую руку так, что даже сквозь лохмотья

должно было быть дико больно. Она вскрикнула – коротко, беззвучно.

С ухмылкой, большие похожей на оскал, он развернул ее и потянул за собой. Не к трактиру, а в сторону, где за последним покосившимся забором начиналась черная, безликая полоса леса. Дорога туда была утоптана в грязный снег.

Она начала сопротивляться. Не яростно, а как заводная кукла на ослабевшей пружине – беспорядочно, бестолково. Плелась за ним, упираясь, цепляясь худыми башимаками за колеи и кочки. Ее свободная рука беспомощно тянулась к его ручище, пытаясь отцепить пальцы, но это было как попытка разжать стальную ловушку. Она мотала головой, и ее прерывистое дыхание теперь было слышно – частое, паническое, как у загнанного зверька.

И никто не помог.

Двое с лопатами у крыльца возобновили уборку снега. Металл скребнул по мерзлой земле с тем же ровным, монотонным звуком. Младший лишь на секунду приостановился, чтобы сплюнуть в сторону, но взгляд его был пуст и направлен куда-то в никуда. Женищина у колодца, что поначалу замерла с ведром, теперь резко дернула цепь, и с грохотом полетело вниз ведро. Этот бытовой грохот окончательно похоронил тихий шорох борьбы. В окне трактира на миг показалось чье-то лицо, посмотрело любопытствующим взглядом и скрылось, сменяясь тенью.

Это была обыденность. Та же, что и каждый вечер.

*Кто-то пьет, кто-то работает, кто-то пропадает в лесу.
Не их дело.*

Он тащил ее, почти не снижая шага. Ее ноги подкашивались, она споткнулась о корягу и упала на колени в ледяную жижу. Он даже не обернулся, просто дернул за руку сильнее, и она, сдавленно вскрикнув, волоком, на коленях, поползла за ним. Ее платок слетел, обнажив темные, спутанные волосы. Она пыталась ухватиться за ствол тощей березы на опушке, но ее пальцы лишь скользнули по коре, оставив на мгновение в снегу короткие, жалкие бороздки.

Он шагнул с утоптанной дороги вглубь, под скелеты голых ветвей, которые смыкались над ними, как решетка. Темнота леса поглотила их фигуры почти мгновенно. Сначала еще были видны два силуэта – один большой и тягучий, другой – мелкий, дергающийся. Потом лишь смутное движение. А потом – ничего. Только тишина, нарушаемая теперь лишь скрипом снега под ногами тех, кто остался снаружи, и далеким, приглушенным говором из трактира.

И всё...

Лесная тропа, убитая множеством ног, петляла и упиралась в камень. Не просто валун, а плоская, слегка наклонная поверхность, темно-серая, испещренная лишайниками цвета запекшейся крови и глубокими, словно ритуальными, бороздами, стекавшими к основанию. Он лежал, как алтарь забытого, жестокого божества. Именно к нему, спотыкаясь о корни, похожие на скрюченные пальцы, приволок свою

добычу пьяный мужчина. В горле хрипело, в висках стучало пьяной кровью.

Девушка в его руках была уже не сопротивляющимся телом, а инертной массой. Она обмякла, позволив волочить себя, лишь изредка вздрагивая, когда ее кости ударялись о мерзлые кочки. Ее голова безвольно болталась, темные волосы тащились по снегу и грязи, собирая хвою и осколки льда. Он, с сильным торжеством, швырнул ее на камень. Она ударилась о холодный гранит всем весом, воздух с хрипом вырвался из ее легких.

Мужчина, тяжело опершись о край камня, почувствовал внезапную слабость. Мир завертелся. Звезды на черном небе поплыли и растекались, как чернила в воде. Тошнота и головокружение – не от ужаса, а от перегара и усталости – сковали его. Он зажмурился, пытаясь подавить рвотный спазм, чувствуя, как его собственные могучие ноги предательски подкашиваются. В этом физическом бессилии зрела ярость. Ему нужно было восстановить контроль. Сейчас.

И он почувствовал на себе взгляд.

Медленно, с почти механической плавностью, девушка повернула голову на камне. Ее лицо, бледное и грязное, было обращено к нему. Глаза, казавшиеся прежде просто огромными от страха, теперь были иного масштаба. Они поглощали скудный свет, превращаясь в бездонные колодцы, вы-

рытые в самой ночи. В них не было ни паники, ни мольбы. Лишь холодное, безразличное наблюдение. И в глубине, в самой сердцевине этой черноты, тлел крошечный, непогашенный уголек — не жизни, а некоего древнего, нечеловеческого знания.

Этот спокойный, изучающий взгляд, полный немого вопроса, обжег его сильнее пощечины. Пьяная ярость, густая и удушающая, хлынула в голову, смывая последние проблески разума. Как СМЕЕТ? Как смеет эта вещь, это мясо для забавы, СМОТРЕТЬ на него так?

— Сволочь... тихая... — он захлебнулся собственной слюной и рванулся к поясу. Его пальцы, толстые, одеревеневшие от холода и хмеля, нащупали широкий кожаный ремень с тяжелой, тупой пряжкой. Но сделать то, что он делал сотни раз наспех, теперь не получалось. Пальцы скользили, не слушались, будто чужие. Пряжка, обычно покорная, превратилась в хитрую, злую головоломку. Он дергал, тянул, сопел, чувствуя, как предательски дрожат его запястья и предплечья. Дрожь унижения бежала по его спине. Его тело, орудие подавления, отказывалось.

И тогда уголек в ее глазах вспыхнул. Исказились губы.

Она ухмыльнулась. Это не было человеческим выражением. Мышцы на ее щеках напряглись, растягивая сухую, потрескавшуюся кожу, обнажая зубы — ровные, слишком белые в этом грязном лице. Улыбка не тронула глаз, остав-

шихся ледяными безднами. Она была гримасой, снятой с лица какой-то лесной твари.

Беззвучно, как призрак, она соскользнула с камня и встала. Ее движение было неестественно плавным, лишенным следов недавней слабости. Она сделала шаг к нему.

Он отпрянул, ударившись спиной о ствол старой ели. И не мог оторвать взгляда. Она приблизилась еще. Ее рука – тонкая, с синеватыми прожилками на запястье – медленно поднялась. Холодные, шершавые кончики пальцев коснулись его щеки. Провели по скуле, по линии челюсти, к подбородку. Прикосновение было исследующим, почти нежным, как будто она лепила его лицо из глины. От этого касания по его коже побежал ледяной пот, смешанный с ужасом.

Он попытался оттолкнуть ее, закричать, призвать на помощь свою былую силу, но горло сжалось спазмом. В висках взревела боль – острая, пронзительная, как будто раскаленную спицу вдавливали прямо в кость. Он вскрикнул, коротко и хрипло, и вцепился пальцами в волосы, пытаясь раздавить свой череп, чтобы остановить это.

И в этот миг тишина закончилась.

Ее рука, только что такая хрупкая, впилась в его волосы. Но это была не хватка человека. Это было смыкание стального капкана. Пальцы, обретя невероятную, костяную жесткость, вонзились в кожу головы, проникли глубже, к самой надкостнице. Боль от этого захвата затмила го-

ловную. С силой, ломающей всякое сопротивление, она рванула его голову назад. Раздался сухой, отчетливый хруст – не смертельный, но унижительный, хруст предельно напряженных шейных позвонков. Его лицо замерло в гримасе, обращенное к черному потолку из переплетенных ветвей.

– Я тебе помогу, – прошептала она. Ее голос был тихим, шелестящим, как ползущая по пергаменту змея. В нем не было ни злобы, ни торжества. Только холодная констатация. – Ты искал тепла? Оно спрятано глубоко. Давай посмотрим.

Она потащила его к камню. Он не шел. Его ноги подкосились, и он пополз, послушный и сломленный, на коленях, волоча сапоги по земле. Его воля, его ярость растворились в океане животного, непонимающего страха. Что это? Кто это?..

– Отпусти... умоляю... – выдавил он, и этот жалобный, захлебывающийся шепот, точное эхо ее собственных недавних слов, прозвучал для него самого последним, абсолютным унижением.

Ее ответом был мягкий, беззвучный смешок, от которого по его спине пробежали мурашки.

Все еще держа его за волосы левой рукой, она пригнула его голову к холодной поверхности камня, прижав щекой к шершавому, мокрому лишайнику. Правой рукой она полезла за пазуху своих дранных одежд. И извлекла кинжал.

Он был не похож на оружие. Скорее на хирургический инструмент или странный ритуальный предмет. Узкое, тонкое, словно удлиненное шило, лезвие длиной с ладонь. Рукоять была темного, пористого дерева, почерневшего от времени и прикосновений. Оно почти не блестело, лишь вбирало в себя окружающий мрак.

Она начала методично, с отстраненной аккуратностью палача, готовящего инвентарь, раздевать его. Не рвала, а разрезала. Лезвие, острое до невероятности, беззвучно рассекло толстый ремень. Он лопнул с тихим щелчком. Затем она провела клинком по грубой ткани его куртки, рубахи. Материал расступался, как масло, обнажая жирное, волосатое, покрытое старыми шрамами и свежим потом тело. Холодный воздух ударил в кожу, и он снова задрожал – но теперь это была дрожь предсмертного озноба.

Потом она приложила кончик лезвия к его горлу, чуть ниже кадыка, в ямку между ключицами. И надавила.

Первый надрез. Он был неглубок, точен, выполнен с легким, почти ласковым нажимом. Кровь не хлынула – она лишь медленно, лениво выступила тонкой, темно-алой линией, будто кто-то провел по коже тупым карандашом. Боль была острой, но терпимой. Укол, а не рана. Мужчина дернулся, из его горла вырвался сдавленный, булькающий звук. Инстинкт самосохранения, придушенный страхом, рванулся наружу. Он собрал воздух в легкие, чтобы из-

дать крик, который разорвет тишину леса, призовет хоть кого-нибудь...

И тьма за его спиной обрела форму.

Из пространства между деревьями, из самой тени ствола, к которому он только что прислонялся, выдвинулась рука. Огромная, лишенная плоти и сухожилий кисть, белеющая в полумраке мертвым, фосфоресцирующим светом. Костяные пальцы с хрустом, похожим на ломающиеся прутья, сомкнулись на его лице. Фаланги вдавились в щеки, в челюсть, прижали язык к небу, намертво запечатав любой звук. Холод кости был абсолютным, проникающим до мозга. Он закатил глаза, пытаясь увидеть, что держит его. И почувствовал касание у своего виска – гладкое, полированное веками прикосновение черепа. Пустые глазницы смотрели сквозь него, склоненная голова на шипящих, будто от сквозняка в склепе, позвонках была наклонена к его окровавленной шее. Запах тлена, сырой земли и старой, неподвижной воды ударил в ноздри.

Девушка, не обращая внимания на его немую борьбу, сделала второй надрез. Чуть ниже первого, параллельно, отступив ровно на ширину пальца. Кожа и подкожный жир расступились. На этот раз кровь выступила быстрее, гуще. Но это было только начало.

Она начала работать.

Она не убивала его. Она вскрывала.

*Третий надрез – вертикальный, от ключицы вниз, к груди-
дине. Четвертый – диагональный, от соска к центру жи-
вота. Клинок двигался без спешки, с хирургической точно-
стью, рассекая кожу, но избегая крупных сосудов. Каждый
раз, когда острое вонзалось, тело мужчины судорожно дер-
галось, издавая приглушенные хрипы и стоны. Боль была яс-
ной, ослепительной, каждой отдельной нитью. Он чувство-
вал, как холодный металл скользит по его плоти, как края
разрезов расходятся. Кровь теперь текла уже не линиями, а
цельными сочащимися дорожками, сползая по ребрам, капая
на камень с тихим, мерным звуком.*

*Потом она сменила тактику. Кончиком кинжала она на-
чала поддевать края разрезов. Приподнимала лоскуты ко-
жи, отделяя их от жировой ткани. Медленно, миллиметр
за миллиметром. Боль превратилась в нечто невыразимое –
жгучую, рвущую агонию, смешанную с невероятным, унизи-
тельным ужасом от этого методичного, почти любопыт-
ствующего вскрытия. Он видел, как из-под его собственной
кожи, обнаженной и отогнутой, проступает желтоватая,
бугристая подложка жира. Девушка изучала свою работу
с тем же холодным интересом, с каким энтомолог изучает
булавкой насекомое.*

*Слезы, горячие и соленые, хлынули из его глаз, смешиваясь
с кровью и грязью на лице. Его тело, некогда грозное орудие,*

теперь было лишь мясом на разделочном столе, трепещущим в такт каждому движению лезвия.

Когда боль достигла такого пика, что сознание начало отказывать, она наклонилась к его уху.

– Тише, – прошептала она. – Ты же не хотел шума. Ты же хотел тишины.

И вонзила кинжал глубже. Уже не разрезая, а протыкая. В межреберье. Острое с хрустом прошло между костей, найдя то, что искало.

Это был последний, сокрушительный удар боли. Тело мужчины выгнулось неестественной дугой, весь его вес повис на скелетной руке, сжимавшей его лицо. Последним усилием он запрокинул голову, и его взгляд, полный окончательного, ледящего осознания, встретился с пустыми глазами чудовища, державшего его. В этой немой маске не было ни ненависти, ни голода. Только вечное, безразличное отсутствие. Пустота, которая сейчас поглотит и его.

Ужас в его глазах застыл, превратился в стеклянную, неподвижную пленку.

Девушка выдернула клинок. Звук был влажным, отвратительным. Она обтерла лезвие о его окровавленный живот, методично, с одной, потом с другой стороны. Затем, не торопясь, отступила на несколько шагов назад, к опушке. Там, на промерзшей, черной земле, она опустилась на колени. Ее движения были ритуально-медленными, полными странной, ледящей благодати.

И тогда лес пришел в движение.

Нечисть не явилась внезапно. Она просочилась. Из-под опавшей листвы выползли тени, низкие, стелющиеся, без четких очертаний. Они не шли – они текли, обтекая корни деревьев. С ветвей сползли сгустки тьмы, приняв зыбкие формы с слишком длинными конечностями. Из трещин в самом камне-алтаре, из-под его основания, стало сочиться нечто похожее на черную, вязкую смолу, пахнущую медью и гниющей бумагой. Они стекались к телу со всех сторон, не обращая внимания на девушку. Воздух наполнился не звуками, а их отсутствием – давящей, гнетущей тишиной, которую лишь подчеркивали редкие шорохи: скрип кости о камень, мягкое чавканье, едва уловимый шепот, похожий на звук пересыпаемого песка в глухом подземелье. Это был неторопливый поток, влекомый запахом свежеспролитой крови, болью, застывшей в воздухе, и древней, дремлющей в камне силой.

Девушка закрыла глаза. Ее губы, все еще хранящие следы той нечеловеческой ухмылки, теперь беззвучно зашевелились, произнося молитву. Она не была жертвой. Она была жрицей. И теперь, склонив колени, она отдавала то, что было обещано – теплую, трепещущую плоть, страдание и самую свежую смерть – темным силам, выступившим из лесной чащи по ее беззвучному зову.

Глава 2

Дом стоял на отшибе, заснувший под толстым, чистым снегом, и ни один след, кроме ее собственных, узких и легких, не вел к калитке. Элиана отворила дверь, и в нос ударило не холодом, а теплым, сложным запахом – сушеных трав, мокрого дерева и сладковатого дыма из печи.

Первый жест был очищением.

Она не просто сбросила с себя лохмотья в прихожей. Она сняла их, как снимают старую, липкую кожу. Каждое движение было точным, почти ритуальным. Грязный платок, пропитанный запахом страха и леса, грубая, продуваемая всеми ветрами кофта, юбка, насквозь пропитанная грязью и чужой кровью – все это легло в ее руках бесформенной, немой кучей. Она прошла через сени в маленькую, темную баньку, пристроенную к дому, и швырнула все в ненасытную пасть раскаленной печи. Огонь взревел, встретив желанную пищу, языки пламени жадно лизнули грязную ткань, которая на миг вспыхнула ярко, с треском, а затем начала медленно, с едким дымом, тлеть, обращаясь в пепел. Дым был густым и темным – не от сухих дров, а от сгорающей скверны. Она стояла, наблюдая, пока последний клочок не исчез в углях, и только тогда выдохнула. Глубоко. Как будто впервые за долгие часы.

Затем началось второе рождение.

Пар быстро заполнил тесное помещение, смягчая резкие линии бревен, делая воздух густым, обволакивающим. Элиана ступила на теплый, шершавый пол и начала мыться. Она брала кусок грубого, домашнего мыла, пахнувшего елью и медом, и терла им ладони, запястья, поднимала руки, и густая, серая пена потекла по ее рукам, плечам, спине. Она скребла кожу мочалкой, не щадя, до розового, живого цвета, смывая не только грязь и запах дыма, но и память о прикосновениях, о хриплом дыхании за спиной, о липком холодке страха. Вода стекала с нее, унося в отверстие пола последние следы леса и того, что в нем произошло.

И по мере того, как грязь сходила, проявлялась она сама. Настоящая.

Ее тело, которое под лохмотьями казалось тощим и угловатым, оказалось удивительно гармоничным. Плавные линии плеч, тонкая, но не хрупкая талия, мягкие изгибы бедер – все говорило не об изможденности, а о той естественной женственности, что расцветает даже на самой скудной почве. Кожа, очищенная, задышала ровным теплым светом.

Она наклонила голову под деревянный ковш, и на черные, как смоль, волосы хлынула чистая вода. Мокрые и тяжелые, легли на спину шелковистой волной. Она вытерлась

грубым, но чистым полотенцем, и волосы, высыхая у печи, начали оживать. Они не были тусклыми и спутанными – напротив, каждая прядь, казалось, впитывала тепло и свет, чтобы отдать его мягким блеском. Она расчесала их длинной, костяной гребенкой медленно, от самых корней до кончиков, и они рассыпались по плечам и спине густой, блестящей накидкой.

Наконец, она надела чистое. Простую, но тонкую льняную сорочку, мягкую от множества стирок, и поверх – темно-синюю шерстяную юбку и такой же цветной сарафан. Ткань легла по фигуре, подчеркивая плавность линий, не стесняя движений.

И тогда, только тогда, она подошла к маленькому, тусклому зеркальцу в сенях. И посмотрела в него.

В отражении смотрела на нее не та исхудавшая, затравленная тварь с площади. Даже не та сосредоточенная, холодная жрица леса. Из глубины стекла глядело лицо поразительной, почти неестественной красоты. Лицо с высокими скулами, прямым носом, темными, чуть влажными от пара бровями. Но главное – глаза. Большие, миндалевидные, черные, как заболоченная вода в беззвездную ночь. И в этой черноте теперь горели искорки. Не безумия, не злобы. Скорее, тихого, глубокого знания, внутреннего огня, согревающего изнутри. Уголки ее губ, полных и здоровых, были чуть приподняты, будто храня секрет, слишком сладкий, чтобы

им делиться.

Она отвернулась от зеркала. Работа была не закончена. Кухня была маленькой, но безупречно чистой, будто вымытой не водой, а самым пристальным вниманием. Медный таз на полке блестел, как второе, рукотворное солнце, а деревянные столы и лавки, скобленные до бледной, теплой белизны, пахли свежим деревом и усердием. Элиана двигалась в этом пространстве с тихой, врожденной грацией, где каждое движение было осмысленным и лишенным суеты.

Она раздула угли в широкой, добротной печи, и жаркое, алое сияние ожило, отбросив на стену пляшущие блики. С ловкостью, доведенной до автоматизма, она повесила на массивный кованый крюк чугунный котелок – тяжелый, почерневший от множества топок, но вымытый до скрипа. В нем уже покоилась основа – темное, насыщенное бульоном мясо с жилками, снятое с коптильной балки. Но это было только начало.

Из берестяного туеска она вынула горсть сушеных лесных кореньев: пастернак, струганный тонкими монетками, ломтики корня петрушки. Они с глухим стуком упали в жир, зашипели и тут же начали отдавать свой сок, аромат из землистого превращаясь в сладковато-пряный.

Затем пошел лук, нарезанный не мелко, а крупными перьями, чтобы в готовом виде он таял во рту, отдавая всю свою карамельную сладость. Лук зашкворчал веселее, и воздух наполнился тем самым уютным запахом, на котором

стоит вся домашняя кухня.

Элиана достала глиняную миску, где в сметане, густой, как зимние сливки, и с щепоткой грубой серой соли уже час томились куски жестковатой, но ароматной оленины. Она выложила мясо в котелок, и сметана, встретив жар, не свернулась, а легла бархатистой, золотистой глазурью на каждый кусочек.

Она не спеша перемешала всё деревянной ложкой, и в этот момент в дело пошли травы. Не щепотки, а целые букеты, связанные еще летом её же руками. Тимьян, отдающий камнем и теплом, душица с её цветочной горчинкой, несколько сморщенных ягод можжевельника для глубины и смолистой свежести. Она просто бросила вязку в бульон, и горячий пар мгновенно вырвал из сухих стеблей всю накопленную мощь летнего луга.

Завершающим аккордом стала горсть перловой крупы, промытой до чистой воды. Жемчужные зерна, попав в кипящий бульон, начали вбирать в себя все соки, жиры и ароматы, готовясь разбухнуть и стать той самой сытной основой, что согревает до самых костей.

Она накрыла котелок тяжелой крышкой не полностью, оставив небольшую щель для выхода пара. И только тогда выпрямилась.

Запах, который теперь царил в горнице, было невозможно описать одним словом. Это был запах топленого жира и карамелизированного лука, дикого мяса и дымных ко-

реньев, горных трав и томленного зерна. Он был настолько плотным, сытным и безоговорочно домашним, что, казалось, мог одним своим присутствием отогнать любую тьму за порогом. Он обещал не просто сытость. Он обещал покой, укорененность, крепость стен и тепло очага – всё то, что заставляет возвращаться домой, несмотря ни на какие бури. Элиана прикрыла глаза, вдохнув этот аромат, и легкая, удовлетворенная улыбка тронула её губы.

Затем она принялась накрывать на стол. Вытерла широкую дубовую доску, служившую столом, чистой холстиной. Расставила две глиняные миски, две ложки из темного дерева, две кружки. Хлеб, темный, плотный, с хрустящей коркой, она положила прямо на ткань. Из погреба принесла глиняную кружку с холодным молоком и маленькую деревянную чашечку с медом, густым, янтарным, пахнущим летним разнотравьем.

Каждое ее движение было наполнено смыслом и спокойной уверенностью. Ни тени спешки, ни следа недавнего напряжения. Только предвкушение. Взор ее то и дело скользил к маленькому окошку, за которым сгущались зимние сумерки. С минуты на минуту должен был вернуться Александр.

Воздух в комнате был насыщен теплом и запахами – хлеба, похлебки, воска и чистых, вымытых половых досок. Тихо потрескивали дрова в печи, отбрасывая на стены и потолок танцующие тени. Здесь, в этой уютной, замкнутой вселенной, не было места лесу, камню-алтарю или ужасу в глазах

умирающего. Была только тишина, прерываемая мирными бытовыми звуками.

Дверь скрипнула, впустив с собой порцию вечернего воздуха и его. Александр переступил порог, и сразу, ещё не сбросив снег с плеч, его взгляд нашёл её. Элиана стояла у печи, но сделала шаг навстречу, и в её движении была неподдельная радость возвращения.

Он не спешил. Каждое его действие здесь, в этом пространстве, было осознанным ритуалом покоя. Большими, привыкшими к тяжести меча и уздечки руками он растянул застёжки длинного мундира. Он не швырнул его на лавку, а аккуратно, почти благоговейно, повесил на кованый гвоздь у двери, дав тяжелой ткани расправиться. Следом пошёл пояс – тихий звон металла о дерево. Затем он снял высокие сапоги, оставив их аккуратно у порога, и теперь, в простых штанах и мягкой, домашней рубахе, он казался другим человеком. Более настоящим.

Только тогда он подошёл к ней.

Он не схватил её в объятия. Он поднял руку и очень бережно, кончиками пальцев, отогнул прядь её ещё влажных, чёрных как смоль волос.

Его прикосновение было лёгким, как дуновение. Потом ладонь его коснулась её щеки, и на мгновение в его глазах мелькнуло что-то острое, тревожное – молниеносная проверка: всё ли в порядке?

Не найдя ничего, кроме тепла и того особого, сияющего изнутри спокойствия, что было только у неё, он наклонился. Его поцелуй был не страстным захватом, а медленным, глубоким прикосновением к её губам. В нём был вкус зимней дороги и бесконечное облегчение. Он длился всего мгновение, но в нём поместилась целая история: «Я вернулся. Ты здесь. Мы дома».

Элиана, обычно такая собранная и сияющая тайной силой, ответила на его прикосновение лёгким, едва заметным румянцем, выступившим на скулах. Её ресницы дрогнули, и она на миг опустила глаза, в этом простом жесте вдруг став не уверенной в себе жрицей тёмного леса, а смущённой девушкой, чьё сердце замирает от любимого взгляда.

– Ужин готов, – прошептала она, и её голос прозвучал чуть тише, с лёгкой, счастливой хрипотцой. Она сделала шаг назад, к столу, жестом приглашая его.

Александр кивнул, его взгляд не отпускал её, пока она отворачивалась, чтобы разлить по мискам похлёбку. Он видел, как плавно ложатся складки её простой одежды, как блестят на огне её волосы. И в его груди, под рёбрами, где обычно царила железная дисциплина, разливалось тепло, смешанное с вечной тревогой.

И пока он садился напротив, принимая из её рук миску, его нога под столом на мгновение коснулась её ноги – не как страстный жест, а как ещё одна, беззвучная проверка связи, точка заземления. Тихое: «Я здесь. Ты в безопасности».

И только почувствовав ответное, лёгкое прикосновение её ступни, он позволил себе полностью расслабиться, отдаваясь мирному ритуалу совместной трапезы в их маленькой, тёплой крепости.

Догорающая свеча отбрасывала на стены трепетные тени, и тишина была теплой, сытой, наполненной послевкусием ужина. Александр отодвинул пустую миску, пальцы его обхватили кружку с недопитым молоком, но не поднимали её. Он смотрел на Элиану сквозь полумрак, и в его обычно ясных глазах плавала тяжёлая, свинцовая печаль.

– Элиана, – его голос, обычно такой твёрдый, прозвучал приглушённо, с ломотой. – Завтра меня отправляют на северную границу. Надолго.

Он выдохнул эти слова, словно вынимая из себя занозу, и сразу же его взгляд, полный мучительной тревоги, впился в неё. Он видел женщину, которую оставляет одну в этом холодном, пустом доме, в городе, полном равнодушия и чужих глаз. Его рука непроизвольно сжалась в кулак на столе – жест бессилия перед приказом, перед долгом, который вдруг показался ему невыносимой жестокостью.

Элиана не вздрогнула. Не вскрикнула. Она просто замолчала на мгновение, будто давая этим словам опуститься на дно тишины и обрести свой истинный вес. Потом она медленно подняла на него глаза. И в её тёмных, бездонных глазах не было ни страха, ни паники. Была лишь бесконечная, глубокая нежность, которая теперь, казалось, излуча-

ла собственный, успокаивающий свет.

Она протянула руку через стол. Её пальцы, тонкие и прохладные, легли поверх его сжатого кулака. Она не пыталась разжать его – просто накрыла своей ладонью, как укрывают птицу с подбитым крылом.

– Александр, – произнесла она тихо, и её голос был мелодичным, как журчание воды в темноте. – Смотри на меня.

Он повиновался, и его взгляд, полный внутренней бури, застрял в её спокойствии.

Элиана встала. Она обошла стол и встала позади него. Её руки мягко легли на его напряжённые плечи. Пальцы её начали медленно, с невероятной чуткостью, разминать застывшие мышцы, ощущая под тканью рубахи каждую твёрдую грань, каждую нить стресса.

– Ты вернёшься, – прошептала она, наклоняясь так, что её губы почти касались его виска. Её дыхание, тёплое и пахнущее мёдом и мятой, овеяло его кожу. – Ты всегда возвращаешься. Потому что я здесь жду. И этот дом ждёт.

Одна её рука соскользнула с плеча, обняла его за грудь, прижимаясь ладонью к сердцу, будто желая удержать его биение здесь, в безопасности. Другая продолжала мягко гладить его волосы, воротник рубахи, снимая невидимую тяжесть с его шеи.

– Я буду в порядке, – продолжала она, и в её голосе не было и тени сомнения. – У меня есть сад, который нужно готовить к весне. Есть твои книги, которые я буду перечи-

тывать у камина. И есть память о каждом твоём возвращении.

Она чувствовала, как под её ладонью его сердце бьётся часто и тревожно. Наклонившись ещё, она коснулась губами его виска – лёгкий, как падение лепестка, поцелуй. Поцелуй-заклинание, поцелуй-оберег.

– Не беспокойся обо мне, мой воин. – Она сделала паузу, и в её следующем шёпоте прозвучала тёплая улыбка. – А я... я позабочусь о том, чтобы у тебя всегда был дом, в который стоит возвращаться.

Она не говорила о любви громкими словами. Она вплетала её в обещание хлеба, в тепло очага, в уверенность своего прикосновения. Её забота была не суетливой, а глубокой, как корни старого дуба, и тихой, как падающий снег. Она принимала его боль и страх, не добавляя к ним своих, а растворяя их в своей невозмутимой силе. В этой комнате, в этом мгновении, она была для него не тайной, а самой явной и прочной реальностью – якорем, гаванью, домом.

Он почти мог поверить, что никакая граница, никакая война не сможет разрушить эту хрупкую, но невероятно прочную вселенную, которую они создали вдвоём.

После её слов в комнате повисла тишина, густая и тёплая. Александр больше не говорил. Он лишь закрыл глаза, глубоко вдохнув запах её волос, кожи и того незримого спокойствия, что она излучала. Тяжесть в его плечах понемногу отступала, уступая место глухой, сладкой усталости и

желанию просто быть здесь.

Элиана почувствовала это изменение. Её руки, ещё мгновение назад удерживавшие его, смягчили хватку. Теперь они просто обнимали. Она медленно повела его от стола, не разрывая объятий, к узкой деревянной лестнице, ведущей в небольшую спальню. Они поднимались молча, шаг за шагом, в такт, как будто этот ритуал отхода ко сну был им знаком до мелочей.

Наверху, под самой крышей, воздух был ещё теплее и пах сухим сеном, запасённым для перины. Лунный свет, бледный и жидкий, просачивался сквозь маленькое окно, серебря край простого сундука и широкую деревянную кровать.

Они разделись неспешно, помогая друг другу. Александр растянул пряжку пояса, и Элиана сняла с него рубашку, аккуратно повесив ее на спинку стула. Она развязала инуровку своей безрукавки, и он помог ей стянуть её через голову, его пальцы на миг задержались на её плечах, просто ощущая под тонкой тканью сорочки тепло и линию ключицы. Ни поцелуев, ни страстных объятий – только методичная, заботливая помощь, в которой было больше близости, чем в любой страсти.

Он лег первым, откинув колючее, но теплое шерстяное одеяло. Элиана задула ночник – тонкий завиток дыма поплыл в лунном луче – и скользнула к нему под бок. Он встретил её, сразу обвив рукой её талию и притянув к себе так, чтобы её спина плотно прилегла к его груди. Его нос уткнул-

ся в её волосы на затылке. Её рука нашла его руку, лежащую у неё на животе, и сцепила пальцы с его пальцами.

Так они лежали, дыша в унисон. Его дыхание постепенно выравнивалось, становясь глубже, медленнее. Элиана почувствовала, как под её ладонью на его руке окончательно расслабляются мышцы.

Тогда она, не отрываясь от него, едва заметно повернула голову. Её губы в темноте нашли не его губы, а угол его челюсти, твёрдый и знакомый. Это был не поцелуй. Это было прикосновение. Легчайшее, как дуновение, утверждение: «Я здесь».

В ответ он не произнёс ни слова. Он лишь ещё крепче прижал её к себе, и его губы прикоснулись к её плечу, к той точке, где начинался рукав сорочки. Точно такое же беззвучное, тёплое касание. Ответное послание.

Он провёл большим пальцем по её костяшкам, медленно, словно запоминая рельеф. Она ответила, слегка пошевелив пальцами в его замке. Диалог, который не требовал слов.

Вскоре его дыхание стало совсем ровным и тяжёлым, перейдя в границу сна. Элиана не спала. Она лежала, слушая этот звук – звук его безопасности, его временного покоя. Её рука, всё ещё державшая его руку, слегка ослабила хватку, но не отпустила. Она лишь положила их сплетённые пальцы себе на грудь, прямо под ключицу, где чувствовался ритм её собственного сердца.

В этой тесноте, в этом простом переплетении тел и ды-

хания, не было страсти, которая жжёт и требует. Была нежность. Полное, безоговорочное знание другого человека как своей территории. И непоколебимый обет, данный в темноте: пока он спит здесь, под её крылом всё в порядке. И она сделает всё, чтобы это «всё в порядке» длилось как можно дольше.

Глава 3

Солнце только показало первые лучи. В этой немой, промежуточной тишине Элиана двигалась по комнате беззвучно, как тень от пляшущего пламени. Александр спал тяжёлым, глухим сном усталости, его дыхание было ровным – последний островок покоя перед дорогой.

Ее движения в предутренней тишине были размеренными и точными, как ритуал.

Хлеб. Он был основой. Она взяла закваску – густую, пахнущую теплым тестом и временем, хранимую в глиняном горшочке у печи. Смешала ее с мукой грубого помола, цвета спелой ржи, добавила щепоть соли, чуть теплой воды из крынки и начала вымешивать, вкладывая в плотное, упругое тесто силу запястий и терпение. Оно поддавалось, становилось гладким и живым под ее ладонями. Она сформировала буханку, круглую и увесистую, сделала на верхушке неглубокий крест кончиком ножа – «чтобы душу выпустить и румянец впустить», как говорила ее бабка. Поставила в тепло, у печки, накрыв чистым полотенцем, и оставила подходить, наполняясь пузырьками воздуха и тихим, кисловатым благоуханием.

Пока тесто дышало, она взялась за сыр. Тот, что она готовила еще осенью, наливая в глиняные формы остывающее после створаживания молоко. Сыр был твердым, с ме-

довым оттенком и мелкими дырочками. Но ее секрет был внутри. Еще летом, в грибную пору, она засушила лисичек – ярких, как кусочки заката. Теперь она тонким, острым ножом нарезала сыр на толстые ломти и в каждый, в самый центр, вложила несколько сушеных грибов. Они выглядели, как золотые искры в янтаре. Потом снова собрала ломти в единый круг, плотно обернула его промасленным пергаментом и перевязала. В дороге сыр не высохнет, а грибы, вобрав влагу, отдадут свой аромат, напоминающий о доме.

Мясо уже было готово – толстый кусок оленины, прокопченный над ольховой щепой до темно-рубинового цвета и упругости. Она нарезала его широкими, сочными ломтями, от которых тянулся пряный, дымный шлейф.

А потом началась похлебка. Это была не просто еда. Это было лекарство, сгусток тепла и силы для дальней дороги. В маленьком, отдельном котелке она растопила ложку барсучьего жира. Бросила туда нарезанный кубиками корень пастернака – сладковатый и сытный. Потом – тонкие ломтики корня горьковатые и смолистые, от простуды. Щепотку сушеной эхинацеи для стойкости. И главный секрет – несколько сморщенных ягод шиповника и кусочков сушеного корня имбиря, что она выменивала у заезжих купцов. Залила всё это крепким, наваристым бульоном, оставшимся со вчерашнего ужина. Похлебка не кипела, а томилась на самом краешке печи, чуть побулькивая, медленно превращаясь в концентрированный, терпкий эликсир. Запах

стоял такой, что пробирал до костей – пряный, древесный, с горьковатой целебной нотой.

К тому времени тесто подошло, вдвое увеличившись. Она аккуратно, чтобы не обжечься, задвинула его в жарко на-топленную печь, прямо на чистые дубовые листья, чтобы низ не подгорел. Через полчаса по дому поплыл тот самый, ни с чем не сравнимый запах – горячего ржаного хлеба, хрустящей корочки и домашнего уюта. Она достала буханку, и та зазвенела, как барабан, постучав по поду. Корочка была темно-золотой, почти бронзовой, и треснула в тех местах, где был сделан крест.

Остывший, но еще теплый хлеб она завернула в свежесты-ранный, грубый лён. Ткань впитала аромат. Ломти коп-ченой оленины уложила в плоскую дубовую шкатулку, пере-ложив листьями черной смородины, чтобы не задохнулись. Круг сыра с золотыми всполохами лисичек внутри бережно обернула тем же пергаментом.

Но самое важное, она сделала до готовки.

На столе, рядом с его аккуратно сложенным мундиром, лежал небольшой лоскут – не новый, а вырезанный из подо-ла её старого, темно-синего платья. Иголка, тонкая и ост-рая, уже была в её пальцах. Но, прежде чем прикоснуться к ткани, она поднесла руку к голове и, не моргнув, выдерну-ла из густой массы черных волос один длинный, выющийся волос.

Её пальцы, обычно такие нежные в прикосновениях к нему, теперь двигались с холодной, отточенной точностью. Она взяла мундир, нашла на левом рукаве, чуть ниже плеча, почти незаметную потертость.

Игла вошла в ткань. Но это был не просто стежок.

Элиана наклонилась низко над работой, и её плотно сжатые губы, начали шевелиться. Не звук, а само движение воздуха, формирующее беззвучные слова на языке, который был старше камней. Это был не молитвенный шепот, а тихое, монотонное бормотание-заклинание, ползучее и гипнотическое.

С каждым стежком она вплетала в шов тот самый чёрный волос. Он ложился вдоль нити, становясь её тёмной, живой сердцевинкой, скрытой между слоями грубого сукна и синей заплатки. Игла двигалась словно сама, ведомая не столько её рукой, сколько силой того древнего напева. Каждый прокол был точным, ритмичным, как удары крошечного сердца.

И тогда тени в углах комнаты зашевелились.

Они оторвались от стен, перестав быть просто отсутствием света. Они стекали к ней, тягучие и плотные, как дым от горящей смолы. Они кружили вокруг её склонённой спины, обвивали её запястья тонкими, прохладными потоками, цеплялись за полы её сорочки. В их движении была зло-

веща, немая грация. Они тянулись к игле, к лоскуту, к тому волосу, что был нитью, связующей миры.

Элиана не поднимала глаз. Её лицо в мерцающем свете было маской абсолютной сосредоточенности, прекрасной и леденящей.

Последний стежок. Узелок, завязанный с помощью тех же черных, невидимых сил, что вились вокруг.

И в тот же миг кружащие тени ринулись к мундиру. Они впитались в темную ткань заплатки, оставив после себя лишь ощущение сгустившейся, неподвижной тьмы в этом конкретном месте на рукаве. Заплата теперь выглядела не просто аккуратной. Она казалась глубокой. Будто под ней лежал не просто слой сукна, а бездонный колодец, полный тишины и старой магии.

Всё стихло. Даже пламя ночника перестало трепетать, застыв ровным столбиком. Элиана выпрямилась. Её лицо было бледным, а на лбу выступили мельчайшие капельки пота, холодные, как роса. Она положила ладонь на заплатку. Ткань под её пальцами была... тёплой. Теплее, чем всё вокруг. И в ней чудился едва уловимый, зудящий гул, как от спящей пчелы в улье.

«Всегда возвращайся, – подумала она, и в её чёрных глазах отразилось нечто древнее и безжалостное, как сама ночь. – Ничто чужое тебя не тронет. Тень будет твоей бронёй, мой волос – путеводной нитью домой. Ко мне».

Она аккуратно сложила мундир, спрятав тёмный оберез

внутри, и положила его сверху на дорожный узел. Ритуал был завершен.

Серебристо-пепельный свет лился с неба, смягчая контуры избы, забора, уходящей вдаль дороги. Воздух стоял неподвижный, холодный и чистый, обжигая легкие.

Александр стоял уже одетый. Мундир с неприметной темной заплаткой на рукаве сидел на нем как влитой, дорожная сумка была перекинута через плечо. Он смотрел на Элиану, и вся его несокрушимость, вся сталь, казалось, растаяла, оставив лишь обнаженную, уязвимую нежность. В его глазах стояла – печаль, тревога, беспомощность перед разлукой.

Элиана подошла к нему вплотную. Она не плакала. Её лицо, озаренное бледным светом утра, было спокойным и прекрасным, как замерзшее озеро. Но в глубине её черных глаз горела целая вселенная чувств – бездонная, как ночное небо, и тихая, как падающий снег.

Она подняла руки и ладонями прикоснулась к его щекам. Кожа под её пальцами была прохладной, напряженной. Она провела большими пальцами по его скулам, сглаживая невидимые морщины тревоги, словно стирая саму возможность боли.

– Иди, – прошептала она так тихо, что это было скорее движением губ, чем звуком. – И возвращайся. Я буду ждать.

Он не смог ответить. В горле стоял ком. Он лишь наклонился и прижался лбом к её лбу. Дыхание их смешалось в

белом облачке пара – одно тревожное и прерывистое, другое – ровное и успокаивающее. Это был безмолвный разговор, в котором было всё: тысячи «прости», миллионы «люблю» и одно огромное «не отпускай».

Потом он обнял её. Нежно, но с такой силой, будто хотел вобрать в себя её тепло, её запах – запах дыма, сушеных трав и чего-то неуловимого, только её, – чтобы хранить в памяти всю долгую разлуку. Его губы коснулись её виска. Элиана обвила его шею, уткнулась лицом в угол между его плечом и щекой. Она закрыла глаза, и на миг мир сузился до биения его сердца под грубой тканью мундира, до ритма его дыхания. Её пальцы легонько вцепились в волосы на его затылке.

Разъединить их заставило только время. Он медленно, будто преодолевая невидимое сопротивление, отпустил её. Его рука скользнула по её руке, спустилась к запястью, и пальцы на миг сцепились с её пальцами – последняя связь, последняя точка соприкосновения.

Потом он развернулся и сделал первый шаг по хрустящему снегу. Не оглядываясь. Он не мог оглянуться, иначе не хватило бы сил уйти.

Элиана стояла у калитки, не шелохнувшись. Утренний ветерок трепал полы её платья и черные, непокрытые волосы. Она смотрела ему вслед, и её лицо было не просто красивым. Оно было живым оберегом. Полным такой любви и такой железной воли, что, казалось, могло бы остановить

любую стрелу, отвести любой удар.

Она подняла руку, на которой он только что держал свою, и легонько прижала пальцы к губам, а затем протянула эту руку вслед удаляющейся фигуре. Жест был одновременно прощанием и благословением.

Александр, уже почти растворившийся в утренней дымке, на повороте дороги всё же обернулся. Увидел её – одинокую, стройную, светящуюся в сером свете фигурку у ворот. И в его груди, вместо боли, вдруг расцвело странное, тихое тепло. Тот самый уют, который она вишила в его рукав. Он коснулся заплатки пальцами, будто невзначай, и наконец повернулся, чтобы идти. Его шаг стал тверже.

Элиана стояла, пока он не скрылся из виду. Пока даже звук его шагов не растворился в тишине. Только тогда она опустила руку. В её глазах не было пустоты. Была глубокая, сосредоточенная уверенность. Он ушел. Но часть её – та, что была сплетена из шепота и темной нежности, – теперь шла с ним. И она знала: пока эта нить цела, он обязательно вернется.

Глава 4

Через неделю пути, когда однообразный стук копыт по мерзлой земле врос в виски, став вторым, унылым пульсом, Александр добрался до границы Рафтхолла. Укрепленный лагерь «Скалистый страж» предстал перед ним не грозной твердыней, а жалким, упрямым пятном сажи на бескрайнем, девственном полотне снега. Частокол покосился, крыши бараков проваливались под белой тяжестью, и лишь дым из двух труб вился жидкой, тощей струйкой, словно последний вздох. Сорок семь человек. Цифра горела в его сознании, как клеймо, выжженное раскаленным железом. Сорок семь пар рук, чтобы удержать горло ущелья, в которое должна была хлынуть отборная, отполированная жестокостью сталь Ирмгарта.

В дороге он свел знакомство с каждым. Не инспектируя, а всматриваясь. Не как командир в подчиненных, а как человек, чья судьба отныне намертво сплеталась с их судьбами в один тугой, окровавленный узел.

Среди них был Ноа. Молодой, лет девятнадцати, с широкими, еще не огрубевшими от жизни ладонями кузнеца и глазами, в которых жила тревожная, прекрасная глупость юности. Это был его первый поход. До этого – горн, молот, искры и мечты, такие же яркие и недолговечные. Он мог говорить о том, как правильно класть узор на клинок, чтобы он

пел в полете, или о дальних морях, о которых читал в потрепанных книжках. Но чаще он молчал, и его взгляд, скользя по заснеженным хребтам, становился плоским и пустым – взглядом зверька, придавленного лапой неотвратимой судьбы. Все трое его старших братьев остались лежать в сырой земле за прошлый год. Смерть уже обчистила его семью подчистую, и теперь ее безразличный взгляд упал на него, последнего. Александр, сам не зная почему, ловил себя на том, что ищет глазами эту тощую фигурку у костра, отвечает на его робкие вопросы чуть терпеливее, чем другим. В Ноа была нерастраченная жизнь, и командир, вопреки всему своему опыту, ловил себя на немислимом желании – уберечь этот тлеющий уголек.

А рядом, как тень от скалы, существовал Джейми. Где-то за сорок, лицо – карта старых кампаний, прочерченная шрамами, морщинами и вечной, едкой усмешкой в уголках рта. Солдат до мозга костей. Он видел, как гниет мясо под доспехами в жару, и как замерзают насмерть часовые на посту. Он знал цену приказу и цену глупости, и вторую ценил куда выше. Его комментарии были отточены, как боевой нож, и так же безжалостно вскрывали любую наивность.

– Мечтаешь об морях, мальчик? – хрипел он, точа свой клинок. – Вот тебе море. Кровавое. И утонешь ты в нем, даже не узнав, как оно пахнет.

Его прямолинейность граничила с жестокостью и отталивала многих. Но Александр ценил его. В мутных, как дож-

девая лужа, глазах Джейми не было ни страха, ни иллюзий. Только холодный, циничный расчет выжившего. Он мог в двух словах оценить слабость позиции, предсказать маневр врага по косвенным признакам и знал, как заставить испуганного рекрута не сбежать при первой же атаке. Александр прислушивался к его хриплому голосу, потому что за грубостью там всегда была горькая, нелицеприятная правда. Джейми был тем самым гвоздем, на который можно было повесить тяжелую, кровавую реальность грядущего боя.

Каждого он оценивал, запоминал. Силу и слабость. Страх Ноа и цинизм Джейми были двумя полюсами той человеческой массы, что предстояло превратить в стену. Им нужно было выстоять. До прибытия подкрепления – того самого, о котором король говорил с редкой почтительностью, называя загадочно и просто: Народ Ветров. Именно здесь, на этом заснеженном перевале, заваленном хрупкими надеждами и сорока семью судьбами, должна была состояться первая встреча. Александр смотрел на чахлый дымок над лагерем, потом на непроницаемую белизну на севере, откуда должны были прийти союзники. И думал о том, хватит ли времени у Ноа увидеть море, и о том, прав ли Джейми в своем беспросветном цинизме. Ответа не было. Была только стужа, давящая тишина и сорок семь жизней, за которые он теперь отвечал кровью.

Воздух на границе был другим. Он не обжигал резким холодом, а давил, тяжелый и густой, словно пропитанный мол-

чаливым ожиданием бури. Им было трудно дышать. Каждый вдох приносил с собой запах хвои, промерзшего камня и чего-то металлического – страха, смешанного с решимостью. Лагерь кипел работой, но это была странная, приглушенная суэта. Лязг ломов о камень, скрежет пил, сдавленные команды – ни смеха, ни песен. Они возводили баррикады из заостренных бревен, вмуровывали в скалы стальные «ежи», чинили частокол. Каждое действие было криком: «Мы ждем вас. И мы будем драться».

Внезапно привычный гул работ сменился. Александр обернулся, рука инстинктивно легла на эфес меча. И замерла.

Над острыми пиками гор, разрезая низко плывущие свинцовые облака, появились силуэты. Величественные. Невозможные. Они плыли по небу с грацией, невероятной для своих исполинских размеров. Крылья – не кожистые перепонки сказочных чудовищ, а мощные, покрытые мелкими, плотными чешуйками. Они ловили потоки ветра с расчетливой точностью парящих орлов, только в тысячу раз масштабнее. **Драконы.**

Сердце Александра гулко ударило о ребра. Он читал о них в хрониках, слышал от старых солдат байки у костра. Но видеть... Они были олицетворением мощи, древней и неумолимой, как сами горы. Их чешуя переливалась на косом свете угасающего дня: черный обсидиан, глубокий малахит, бронза.

Длинные тени легли на лагерь, и на мгновение воцарилась абсолютная, благоговейная тишина.

Они не стали кружить. С оглушительным, но приглушенным горным эхом грохотом, похожим на обвал скалы, они опустились на массивные каменные выступы рядом с крепостной стеной, сложив крылья. От них исходил жар – не душный, а сухой и чистый, как от раскаленных в кузнечном горне камней. Воздух затрепетал.

Это были союзники. Народ Долины Ветров.

Но более чем драконы, Александра поразили всадники. Они не выглядели покорителями чудовищ. Их движения, когда они спрыгивали со спин гигантов, были полны уверенной осторожности – не страха перед зверями, а уважения к хрупкости всего вокруг и к своим могучим спутникам. Их было пятеро.

И вела их **она**.

Молодая женщина, сошедшая с темно-бронзового дракона, казалась соткана из самого духа этих гор. Ее волосы, черные как смоль и заплетенные в невероятно сложную косу. Лицо ее было лишено изнеженности: высокие скулы, прямой нос, тонкие, четко очерченные губы. Но доминировали глаза. Ярко-зеленые, как вспышка малахита на солнце, или как молодая хвоя после ливня. В них не было ни страха, ни восторга – лишь холодная, кристальная ясность и оценивающая собранность.

Ее доспехи не были громоздкими рыцарскими латами.

Распашистая куртка из толстой, почернённой кожи была усилена тонкими, отполированными до матового блеска пластинами на плечах, предплечьях и груди. Наплечники были стилизованы под стиснутые когти. На поясе висела не одна, а пара изогнутых, как когти хищной птицы, клинков в коротких ножнах. Каждое ее движение было экономичным, точным, лишенным суеты. Она обвела взглядом лагерь, укрепления, лица замерших в изумлении солдат, и этот цепкий, пронизательный взгляд на мгновение задержался на Александре. Он почувствовал это как физическое прикосновение – взвешивание, оценка ранга, состояния духа.

Это была не просто всадница. В ее осанке, в немом авторитете, читалась безоговорочная власть. Принцесса Лиссандра.

Она сделала несколько бесшумных шагов вперед, ее сапоги из того же темного меха не оставляли ярких следов на утопанном снегу. За ней, как точные тени, встали ее спутники – мужчина и женщина, столь же суровые и собранные.

Александр, подавив в себе первобытный трепет, сделал шаг навстречу. Контраст был разителен: он – в своем потертом, пропыленном мундире Рафтхолла, с лицом, опаленным ветрами и грузом ответственности; она – воплощение дикой, древней силы и дисциплины иного народа.

– Александр, командир отряда, – его голос прозвучал низко и ясно, нарушая замороженную тишину. Он отдал честь, короткий, резкий жест, принятый в королевской армии. –

Мы ждали вас.

Лиссандра кивнула, едва заметно. Ее тонкие губы тронуло что-то, отдаленно напоминающее улыбку, но до глаз оно не дошло. Они оставались ледяными озерами, изучающими карту местности в его лице.

– Лиссандра, из Серебряного Ветра, – представилась она. Голос был ниже, чем можно было ожидать, мелодичным, но каждое слово в нем имело вес и четкие грани, словно отшлифованный булыжник. Легкий, певучий акцент только подчеркивал чуждость.

Она говорила не как гостя или даже равный союзник, а как человек, с первой секунды берущий на себя часть груза командования. Александр, привыкший быть единственным источником приказов, на миг внутренне опешил. Но в его глазах вспыхнула не обида, а искра холодного, профессионального уважения. Так говорят те, кто знает цену ошибке и не намерен ее допускать.

Он встретил ее взгляд, и в этот момент между ними – поверх пропасти культур, видов и грохочущего дыхания драконов – протянулась незримая нить взаимопонимания. Они оба были здесь, чтобы уцелеть и победить.

– Я провожу Вас, – коротко кивнул Александр, жестом приглашая ее в палатку, с наспех начерченной картой местности. Отчет и карты – в вашем распоряжении.

Палатка была наполнена запахом кожи, пота и напряжения. Карты на столе казались полем боя сами по себе.

– Они будут бить здесь, – уверенно сказала Лиссандра, ее кинжал уверенно лег на главный проход в ущелье. Ее зеленые глаза, холодные и ясные, скользнули по фигуре Александра, оценивая его широкие плечи, уверенную стойку и упрямый уголок челюсти. В ее народе ценили силу, и он был воплощением несгибаемой, земной мужественности.

Александр, скрестив мощные руки на груди, кивнул. Его взгляд был непоколебим, как скала его родных гор.

– Согласен. Их артиллерия уже стянута к северным высотам. Они готовят адскую бомбардировку перед штурмом. Нам нужно укрепить центральный редут и подготовить засады на флангах. – Его голос был низким и ровным, без тени сомнения. Он повернул голову, и его взгляд встретился с ее изучающим. – Ваши драконы... смогут нанести удар с тыла, когда их пехота увязнет в проходе?

Лиссандра почувствовала, как в уголке ее рта зарождается привычная, чуть дерзкая усмешка.

– Мой Бронзовый уже потирает когти о скалы от нетерпения, – парировала она, слегка наклоняясь над картой так, что темная коса мягко скользнула по ее плечу. – Он превратит их обозы в эффектный костер. Главное – вовремя отойти, чтобы не испортить прическу дымом. – Она бросила на него быстрый, оценивающий взгляд, играя на грани между шуткой и вызовом.

Оба командира видели картину ясно. Но теперь Лиссандра ловила себя на том, что отмечает не только его стратегические ходы, но и то, как складки мундира ложатся на его плечи, когда он опирается о стол.

– А западные холмы? – вдруг спросил Александр, его взгляд, цепкий и внимательный, скользнул по карте к знаковой долине. Его брови сдвинулись, но в его осанке не было и тени неуверенности, лишь привычная бдительность. – «Волчья тропа» ... Она беспокоит меня.

Лиссандра слегка откинула голову, и в ее зеленых глазах вспыхнули искорки уверенности.

– Мои крылатые разведчики – не слепые кроты, капитан. Ни следов, ни дымов. – Она пожала плечом, и этот жест был нарочито небрежным. – Рэнольд – слон, он не полезет в ту щель, куда и горный козел с опаской ступает. Не тратьте свою упрямую решимость на мышинные тропки. Весь их гром – здесь. – Кончик ее кинжала снова, с легким звоном, ткнул в центр ущелья.

– Вы правы, – согласился Александр, его голос прозвучал как глухой удар камня о камень. Он оторвал взгляд от карты и посмотрел прямо на Лиссандру. – Мы встретим их здесь. И превратим ущелье в их могилу.

Он обвел рукой укрепления на карте, его движение было широким и уверенным.

– Я выставлю лучших лучников здесь и здесь. Они будут поливать их стрелами, пока те не подойдут вплотную. А когда они упрутся вот сюда... – Его рука сжалась в кулак. – ... мои солдаты примут их в объятия.

В его словах не было хвастовства, лишь холодная констатация факта. Эта простая сила заставила Лиссандру на мгновение забыть о дерзкой реплике, что вертелась на языке. Вместо этого она позволила себе небольшую, одобрительную улыбку.

– Мои «Огненные когти» подожгут им хвосты, – сказала она, и в ее тоне вновь зазвучала та самая вызывающая легкость. – Чтобы отступать было веселее и ... жарче.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.